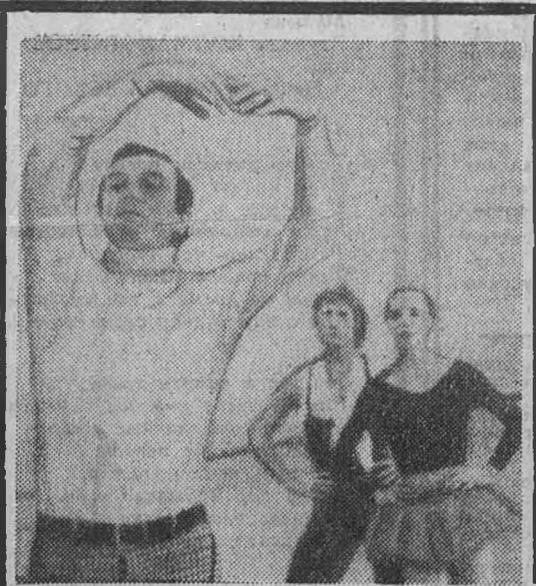

НЕ ТОЛЬКО О «КОППЕЛИИ»...

В КОНЦЕ прошлого года в Малом театре оперы и балета состоялась премьера балета «Коппелия». Критика положительно оценила новый спектакль, пользующийся у ленинградских зрителей большим успехом. Сегодня мы беседуем с заслуженным артистом Дагестанской АССР, лауреатом Государственной премии РСФСР Олегом Михайловичем Виноградовым о вопросах, связанных с историей постановки «Коппелии», а также некоторых принципах современной жизни традиционных балетов.

Воскресный гость «СМЕНИ» — главный балетмейстер Малого театра оперы и балета Олег Михайлович ВИНОГРАДОВ

— Олег Михайлович, большинство ваших работ — «Золушка», «Ромео и Джульетта» в Новосибирске, «Асель» в Большом театре в Москве, «Горянка» и «Зачарованный принц» в Театре имени Кирова — связано с современным драматургическим или музыкальным материалом. Что заставило вас поставить «Коппелию» — балет, имеющий более чем веновую историю?

— Прежде всего репертуарный голод в балете, резкое сужение жанров и потеря традиционного репертуара. Сегодня его можно перечислять по пальцам. Забыто то, чего не стоит забывать. Такая репертуарная уость не может удовлетворить зрителя, в котором кино и телевидение развили жажду разнообразной информации. Печальна эта уость и для артистов балета.

«Коппелия» — звено в цепи балетов прошлого, которые мы имеем или хотим иметь в репертуаре. Уже несколько сезонов у нас в театре идет «Тщетной предосторожностью» — «прабабушка» современной хореографии, балет, завещанный нам XVIII веком. Мы мечтаем о «Сильфиде» — шедевре мировой романтической хореографии. Ленинградцы видели этот бережно хранимый спектакль во время гастролей датского балета весной прошлого года. В этом сезоне у нас поставлены «Жизель» и «Коппелия». В планах театра — «Сильвия» с великолепной музыкой Л. Делиба, начата работа над восстановлением «Арлекинады» Дриго—Петипа.

Почему после современных спектаклей я обратился к постановке классики? Отвечу словами Юрия Любимова, режиссера яркой индивидуальности, творчески близкого мне человека: «Современность режиссера больше всего проявляется в решении им классических спектаклей».

— Как известно, «Коппелия» была сочинена хореографом А. Сен-Леоном для Парижской оперы в 1870 году. Некоторые ленинградские любители балета еще помнят, как в 20-е годы в ГАТОБ (так тогда именовался Театр имени Кирова) доживала свой славный век постановка М. Петипа, а в Малом оперном театре в 30-е годы немалым успехом пользовался яркий спектакль Ф. Лопухова. Уже после войны более 70 представлений в вашем театре выдержала «Коппелия», поставленная Н. Анисимовой. Множество различных «Коппелий» создавалось и создается в других городах и странах. Объясните, что вы сознательно сохранили из традиционных «Коппелий», что и почему создали или переадресировали по-новому?

— Мне в «Коппелии» показалась существенной не только гофмановская тема противопоставления человека и куклы. Для меня было важно и интересно закончить балет праздником света, радости, праздником труда. Я заменил аллегории III акта на

праздник мастеровых и ремесленников, для которых их творческий труд — радость. Это, на мой взгляд, очень важная тема для нашего балета сегодня, тема, к которой он, к сожалению, обращается редко.

Музыка Делиба прекрасна, но ее строгие «номерные». В ней нет того уровня музыкальной драматургии, которая, скажем, присуща балетам Чайковского. Поэтому я позволил себе перенос некоторых номеров из акта в акт, некоторые купюры и даже вставки музыки из других балетов Делиба.

Вообще я считаю, что в обращении с традиционным материалом можно и должно быть смелее, если, конечно, у хореографа есть на это свои основания.

— Те, кому удалось побывать на нескольких представлениях «Коппелии», заметили, что балет от спектакля к спектаклю меняется, дорабатывается. Удовлетворены ли вы сегодня им полностью?

— Почти. Однако хочу добавить развернутое «па-де-де любви» Франца и Сванильды в I акте. Если любовь героев будет показана более яркой, то и «задача» Коппелиуса по ее разрушению станет труднее и интереснее. Собираюсь еще раз переделать чардаш в III акте, постараться дотянуть его до уровня танца саботьеров в «Тщетной предосторожности».

— В нашей беседе мы коснулись более широкой и насыщенной для сегодняшнего балета темы — современной жизни классических спектаклей. Начну с более конкретного вопроса. Как вы уже упоминали, в репертуар Малого театра оперы и балета за последние годы (замечу, при нашем активном участии) вошли также традиционные балеты, такие, как «Тщетная предосторожность», «Жизель» и «Коппелия». Чем вы объясните принципиально различный подход к их постановкам? В «Жизели», например, восстановлены даже некоторые немаловажные детали, утраченные в постановке Театра имени Кирова. В «Тщетной предосторожности» — современная хореография при сохранении классического сценария. И, наконец, новая постановка «Коппелии»...

— В хореографии различают три компонента драматургии спектакля: сценарный, музыкальный и хореографический. Далеко не все они сохранились одинаково в различных традиционных балетах. К тому же необходима их проверка глазами современного человека: что может жить, что интересно тебе и зрителю сегодня. Так, в оригинале сценария «Коппелии» мне претили наивные попытки Коппелиуса буквально оживить Коппелию кабулистическими заклинаниями, вдохнув в нее «душу» Франца. Сегодня это смешно. В то же время в «Жизели» меня убеждает буквально все.

В современной (как вы сказали) хореографии «Тщетной предосторожности» я сохранил некоторые приметы стиля танца доромантической поры — постановка рук, корпуса, но архитекtonика спектакля — сегодняшняя.

— Когда смотришь «Лебединое озеро» в Большом театре в редакции Григоровича, то понимаешь, что изменения в классическую хореографию Иванова и Петипа внесены ради того, чтобы в спектакле на первый план выступило то, что близко и волнует современного хореографа и зрителя. Порой же непросто догадаться, ради чего театр и хореограф решились на подчас отнюдь не бережную реконструкцию именно этого шедевра. Это, вероятно, связано с принципами восприятия классических спектаклей.

Считаете ли вы, что зритель и критика должны с единой мерой подходить к восприятию любого балета (создан ли он вчера или сто лет назад), искать в нем мысли и образы, близкие сегодняшнему дню, или и классике следует относиться особо, скажем, как и музейным экспонатам минувшего, которые лишь демонстрируются нашим современникам?

— Я обращаюсь ко всему, что сегодня может интересовать. Мне хотелось бы иметь в театре антагонизм традиционных балетов: это имело бы и познавательный характер и способствовало бы воспитанию вкуса. Но для меня это не музей. Большинство спектаклей не сохранилось — до сих пор нет способов уверенной фиксации их. Многие шедевры умерли, многое безвозвратно искажено. Анализируя историю и принципы их создания, я стараюсь взять все интересное, учитывая круг сегодняшних проблем, сегодняшний ритм жизни.

У нас в балете существует много спектаклей пассивных, без всякой попытки взволновать зрительный зал, а порой даже глупых, сделанных невсестественно и конъюнктурно. Этого не должно быть. Я не понимаю лозунга — «хранить любое классическое наследие». Порой неизвестно, что и где мы храним. Целых спектаклей до нас дошло немного. Не надо хранить (вернее здесь было бы сказать хоронить) отдельные хореографические «куски» классики, вставляя их в мертвый спектакль. Разумнее исполнять гранпа из «Пахиты» в концертном варианте, чем реставрировать целиком забытый спектакль. Мне видится и другое решение — вечер «забытой» хореографии. Можно было бы показать эстетику разных эпох, эволюции стиля и даже моды — целые социально-этнографические пласты. Решения могут быть различны, но в любом случае то, что показывается зрителю, должно быть высокохудожественным.

— Последний вопрос к вам как к главному балетмейстеру театра. Спектакль «Коппелия», по моему, еще раз показал, что уровень балета Малого театра ныне достаточно высок. Каким вам представляется творческое направление балета вашего театра? Какого зрителя вы бы хотели видеть на своих спектаклях?

— Мы бы хотели завоевать своего зрителя — активного, ищущего, а не пассивного, «музейного» (пришел посмотреть здание, театр, а заодно и балет какой-нибудь). Особо я бы хотел подчеркнуть, что нам дороги самые различные слои молодого зрителя. Труппа у нас молодежная, и ей близки интересы молодежи. Зритель надо привлекать прежде всего разнообразием. Так, в наших планах и поиски забытого и постановка экспериментальных балетов. В частности, для молодых мы хотим создать хореографический спектакль на джазовую музыку. Будем заниматься решением самой сложной проблемы в балете — созданием спектакля на современную тему.

Творчество — вещь коллективная. Нельзя существовать в профессиональной изоляции. В работе над новыми постановками мы сотрудничаем с ленинградскими композиторами Б. Тищенко и Ю. Корнаковым. Замысел нашего нового балета на тему «Слова о полку Игоревом» (режиссером этого спектакля будет главный режиссер Московского театра на Таганке Ю. Любимов) мы обсуждаем с писателями. Привлекая к себе талантливых и разных людей, ленинградский балет должен пытаться как можно скорее возродить свою былую славу.

Беседу провел А. ДЕГЕН
Фото Н. Аловрт